
В. А. Аникин

ПРЕКАРИЗАЦИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В НОВОЙ РОССИИ: О ЧЁМ ГОВОРЯТ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕТЕРОГЕННЫХ СРЕДНИХ СЛОЁВ?

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6798

Аникин Василий Александрович — кандидат экономических наук, Ph.D., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: vanikin@hse.ru

AuthorID РИНЦ: 205344

Для цитирования: Аникин В. А. Прекаризация среднего класса в новой России: о чём говорят результаты исследования гетерогенных слоёв? // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 39–54. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6798

Аннотация. На Западе уже давно говорится о прекаризации среднего класса. В данной статье утверждается, что эта проблема затрагивает и средний класс современной России, несмотря на посткризисную стабилизацию, профицитный бюджет и видимое оздоровление российской экономики в последние годы. Статья обобщает результаты байесовского латентного классового анализа, проведённого на данных мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН 2015 и 2018 гг. Использование этого подхода позволило заключить, что российский средний класс составляет 61% населения страны и состоит из трёх обособленных страт — вертикально интегрированных подклассов. Явление прекаризации локализуется в нижней страте среднего класса, которая в 2018 г. составила более половины среднего класса, то есть более трети населения страны. Данная работа даёт более оптимистичные оценки по численности среднего класса, чем считалось ранее, однако численная оценка социальной базы прекаризации среднего класса совпадает с предыдущими оценками. Используемый подход позволил зафиксировать увеличение в составе среднего класса прекарной группы, что является основанием для системных мер социальной политики, направленных на поддержку интересов среднего класса.

Ключевые слова: средний класс, жизненные шансы, социальная структура, новая Россия

Введение

В середине XX в. книга блестящего учёного Ч. Р. Миллса «Белые воротнички: Американские средние классы» [Mills, 1951] (англ.: “White collars: American middle classes”) стала настоящим бестселлером благодаря обнаружению и всестороннему описанию нового социального феномена в индустриально развитом обществе —

массового среднего класса. Тогда средний класс представлялся стабильной основой общества, а его развитие и процветание стало новой целью Америки. Едва ли Миллс мог предположить, что уже в середине 1980-х гг. общественная наука всерьёз заговорит об угрозе исчезновения среднего класса в западных обществах [Thurrow, 1984].

Что же ждёт средний класс в обозримом будущем? Этот вопрос, постепенно перекочевавший из чисто академической плоскости в публичный дискурс, теперь волнует не только учёных, но также журналистов, политиков и даже бизнес-сообщество. Произойдёт ли поляризация среднего класса [Castells, 2000] или же он продолжит распадаться на несколько самостоятельных «средних классов» [Chauvel, 2013], из которых часть потом утратит свой классовый статус? По линиям каких социальных групп будут проходить эти разломы и насколько болезненными они окажутся для общества? Значимость этих вопросов сложно переоценить, поскольку они напрямую приводят к вопросу о политической стабильности сложившихся режимов управления западными обществами. Сможет ли политическая система своевременно купировать негативные последствия этих изменений и как эти изменения отразятся на балансе социальных сил? Какие социальные группы тогда станут гарантом стабильного развития и будет ли оно возможно в условиях распада среднего класса? Острота этих и других вопросов набирает обороты не только на Западе, но и в современной России.

Отечественные исследования последних лет позволяют с уверенностью называть современное российское общество обществом массового среднего класса [Модель доходной..., 2018; Средний класс..., 2016; Тихонова, 2014]. Тем не менее, несмотря на ряд успешных попыток анализа социальной структуры и её отдельных элементов, в том числе среднего класса, предпринятых в последнее время российской наукой, вопросов пока больше, чем ответов. К тем проблемам, которые волнуют западных коллег, добавляются чисто российские вопросы. Пожалуй, центральный из них – что представляют собой массовые средние слои российского общества [Тихонова, 2018]?

Современная российская наука достигла относительного консенсуса в установлении границ среднего класса и даже выделении его относительно передовой части, условно называемой ядром класса. Тем не менее вопрос о внутренней гетерогенности этого класса пока ещё остаётся открытым. Без решения этого вопроса невозможно двигаться дальше в изучении среднего класса, в частности ответить на другой немаловажный вопрос – существуют ли массовые средние слои как единая группа? И если нет, то что определяет их разнообразие и насколько существенны эти различия с точки зрения рисков распада среднего класса? Наконец, третий блок вопросов, который волнует экспертов, – насколько прочны позиции средних слоёв и какова вероятность прекаризации среднего класса в России?

Ответам на эти и другие вопросы посвящена данная работа. Разумеется, автор не претендует на исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, однако надеется, что представленный им эмпирический анализ позволит прояснить ряд белых пятен в судьбе среднего класса новой России или, по крайней мере, поставить новые вопросы.

Средний класс в опасности: пессимистичный дискурс о среднем классе на Западе

Как уже было отмечено, дискуссии о судьбе среднего класса в России неизбежно преломляются через дискурс в зарубежной науке [Авраамова, 2018; Колбановский, 2013]. А этот дискурс в последнее время полон пессимистичных оценок. Ядро этих оценок составляют данные об обеднении среднего класса в индустриально развитых странах. Стоит отметить, что сам тезис об обеднении среднего класса представляется оксюмороном, поскольку средний класс не может быть бедным по определению – в силу своего промежуточного и срединного положения в обществе. В силу особенностей своего положения среднему классу традиционно вменяются вполне определённые функции – поддержание стабильности за счёт снижения противостояния полярных групп благодаря своему промежуточному положению и «избеганию крайностей» [Simmel, 1971]. Поэтому средний класс выражает стремление поддержать сложившийся в обществе ценностно-нормативный политический порядок, хотя это стремление угасает по мере роста внутренней гетерогенности среднего класса [Bechhofer et al., 1978]. Таким образом, средний класс выполняет важную медиативную роль, которая выражается в поддержании существующего социально-экономического порядка. Обеднение среднего класса, таким образом, выглядит как угроза этому порядку, причиной которой становится риск существенного сокращения социальной базы действующего политического режима, – разумеется, не считая того, что под действием рисков обеднения может произойти консолидация среднего класса и он, став «классом для себя», вступит в активную политическую борьбу за свои интересы.

Наиболее наглядно тезис об обеднении среднего класса доказывается в исследованиях, которые выделяют средний класс по экономическим критериям. Представители так называемого экономического подхода выделяют средний класс лишь на основании одного-единственного критерия – дохода. Несмотря на то, что в этом вопросе нет единства, исследователи сходятся во мнении, что это должна быть относительная мера дохода – например, медиана (см., например: [Аникин, Лежнина, 2018]). При всём многообразии подходов, определяющих границы «экономического» среднего класса, подход, принятый Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), является наиболее консенсусным для индустриально развитых стран. ОЭСР относит к среднему классу ту прослойку населения, доходы которой укладываются в интервал от 75 до 200% общественной медианы. Очевидно, что при таком измерении численность среднего класса оказывается крайне чувствительной к компрессии доходов. Так, с середины 1980-х по середину 2000-х гг. в странах ОЭСР численность среднего класса сократилась с 64 до 61% [OECD., 2019]. Несмотря на очевидные недостатки такого подхода, он позволяет зафиксировать важную тенденцию – сокращение высокодоходных слоёв населения в развитых обществах.

Эта тенденция настолько мощная, что она проявляется и при композитном, или так называемом социологическом, измерении среднего класса, когда за основу принадлежности к среднему классу берётся не только доход, но и ряд немонетарных показателей, в том числе те из них, о которых писал Ч. Миллс, — образование (не ниже среднего специального) и характер труда (нефизический). Так, в работе испанских экономистов [Sánchez-González, García-Fernández, 2019] показано, что в период с 2007 по 2014 г. средний класс в Испании «обеднел» с 63,2 до 61,2%. Во Франции он уменьшился в пользу нижнего класса с 60,3 до 47,2%. В Италии в период с 2011 по 2014 г. — с 64,9 до 59,4%.

Обеднение среднего класса является проявлением более сложных фундаментальных процессов трансформации, происходящих в современном обществе. Они затрагивают самые основы существования среднего класса — гарантии рабочих мест в условиях наличия необходимого образования и стабильности занятости. Утрата средним классом своих позиций в «отношениях власти» [Dahrendorf, 1959], которые обеспечивали их переговорной силой на рабочих местах [Wright, 1989], всерьёз ударяет по его интересам, увеличивая риски его прекаризации.

Несмотря на сложность и неоднозначность понятия прекаризации, к нему в последнее время всё больше обращается внимание научного сообщества [Standing, 2011; Нова ли., 2016; Тощенко, 2018; Тихонова, 2019]. Если говорить в общих чертах, то прекаризация может быть описана как процесс дестабилизации занятости у граждан, а также утраты ими «гарантий социальной защищённости даже в периоды, когда они входят в число занятых» [Тихонова, 2019: 170]. Негативный оттенок этого понятия связан с тем, что даже качественный человеческий капитал перестаёт быть гарантией получения хорошего рабочего места¹. Это перечёркивает классическую теорию человеческого капитала, суть которой в том, что премии к доходу обеспечиваются не только (и даже не столько) хорошим местом, сколько инвестициями в человеческий капитал [Becker, 1962]. Другими словами, ещё в 1960–1970-х гг. инвестиции в человеческий капитал выступали своего рода гарантией, пусть и вероятностной, более высокой монетарной и немонетарной отдачи в будущем. В настоящее время более высокая и качественная отдача обеспечивается гораздо более длинным горизонтом планирования этих инвестиций, более сложной структурой этих инвестиций, растянутых во времени и требующих участия не только самого индивида, но и его семьи [Nesckman, 2006], а также инвестиций в смежные акти-

¹ Стоит отметить, что в последние годы появляются работы, в которых прекаризация рассматривается как противоречивое явление, которое включает не только негативные, но и позитивные аспекты. Так, авторы Е. Гасюкова и С. Коротаев убеждают читателя, что к прекариату могут относиться также те, кто выбирает нестабильную занятость по собственному желанию, — например, те же фрилансеры [Gasiukova, Korotaev, 2019]. Не вдаваясь в подробную дискуссию об этом, отметим лишь, что такое понимание противоречит классической концепции Г. Стэндинга и тем более — духу самого понятия; признаки прекарности наблюдались и у представителей рабочего класса во времена К. Маркса. Автор настоящей статьи склонен придерживаться классических трактовок понятия прекарности.

вы, без которых эффективное накопление человеческого капитала становится практически невозможным. Большинству населения, даже выходцам из среднего класса, осуществлять такие инвестиции становится всё сложнее.

Если раньше прекаризация затрагивала преимущественно низкоквалифицированный физический труд, то теперь в орбиту этого процесса попадают даже образованные граждане, занятые нефизическим трудом или претендующие на такие рабочие места. Разрастание прекаризации с низших слоёв рабочего класса до среднего класса является совершенно новым явлением, требующим отдельного изучения.

Средний класс новой России

Насколько далеко этот процесс зашёл в российском обществе? В российской социологии существует проблема «неоднозначности оснований выделения... прекариата ... что «затрудняет точное позиционирование... его места в социальной структуре» [Тихонова, 2019: 169]. Фундаментальное изучение прекариата лишь набирает ход и пока исследователи могут опираться лишь на приблизительные оценки социальных границ этого явления в современном российском обществе. Так, Ж. Тощенко оценивает прекариат на уровне 30–50% трудового населения [Тощенко, 2018], в то время как Н. Тихонова и А. Каравай считают, что в орбиту прекариата попадает не менее половины российского населения [Тихонова, Каравай, 2017].

Даже приблизительные оценки доли прекариата дают возможность увидеть, насколько масштабна эта проблема в современной России, и этот феномен точно выходит за пределы нижних страт российского общества. Предыдущие оценки, полученные на данных Института социологии ФНИСЦ РАН, позволяют говорить о том, что порядка двух третей представителей российского среднего класса (порядка 30% населения страны) уже оказываются либо могут оказаться в зоне прекарного труда, хотя сами исследователи этого вывода не делают (см.: [Средний класс..., 2016]). Именно такую долю составляет так называемая периферия ядра среднего класса, которая включает россиян, преимущественно занятых рутинным нефизическим трудом средней и низкой квалификации.

В оценках российских исследователей сложно найти прямые указания на прекаризацию среднего класса, из чего может сложиться мнение, что Россия пока не столкнулась с этими рисками. И действительно, формальные количественные показатели, скорее, будут говорить об обратном. Если выделять средний класс по вышеупомянутой методике ОЭСР (от 0,75 до 2 медиан доходов (далее Me) в стране), то его численность в России окажется примерно такой же, как в средней западноевропейской стране, – почти 60%. Однако качественно средний класс в России и средний класс, например, Германии – это разные феномены. Это происходит из-за того, что российские профили доходной стратификации смещены вниз [Модель доходной..., 2018], а также в силу действия немонетарных неравенств на распределение доходов по стране.

В социологии монетарный подход к выделению среднего класса не прижился, поскольку при его использовании исследователи не получают информацию о структурных сдвигах в среднем классе. Поэтому социологи в России вслед за своими западными коллегами используют композитный подход к выделению среднего класса, в который, помимо дохода, включаются также такие критерии, как образование (не ниже среднего специального), род деятельности (нефизический труд) и даже критерий самоидентификации себя со средними слоями. Это так называемый структурно-функционалистский подход к выделению среднего класса. Согласно этим критериям, средний класс составляет 48–49% российского населения, а его классовое ядро, представленное высококвалифицированными специалистами и управленцами, зарабатывающими умственным трудом и хорошо интегрированными в информационно-коммуникационные технологии (по сути, высший средний класс), – не более 20% [Средний класс..., 2016].

Согласно последним оценкам, численность этого ядра очень стабильна и тенденций к его уменьшению или увеличению пока нет. По крайней мере, недавний кризис 2014–2016 гг. не сильно отразился на уровне жизни этой части среднего класса, хотя серьёзно ударил по качеству жизни [Аврамова, 2018]. В отличие от ядра среднего класса, его периферия оказывается очень текучей и неоднородной, и её главная проблема – это относительно более низкое качество человеческого капитала, недоступность качественного образования и слабая защищённость от произвола начальства, выражающаяся в нарушении трудового законодательства, хотя доходы у её представителей могут быть даже выше медианных. Позиции среднего класса в отношениях власти были ослаблены ещё до кризиса [Тихонова, Мареева, 2009; Черныш, 2008]. В кризис эти проблемы существенно обострились.

Основные результаты

Данная статья обобщает результаты исследования статистической модели классов на данных мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН 2015 и 2018 гг. по репрезентативной общероссийской выборке¹. Каждая волна включала 4000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы и проживающих во всех территориально-экономических районах страны в различных типах поселений. Обе рассматриваемые волны включали широкий спектр вопросов касательно социально-экономического положения россиян.

Средние слои выделены в рамках комплексного анализа социальной структуры современного российского общества через призму многомерного подхода, в основу которого положены немонетарные характеристики возможностей россиян в четырёх главных жизненных сферах – экономические условия, производственные отношения, образовательные и медицинские возможности,

¹ Автор благодарит руководство института за возможность работы с данными мониторинга.

а также возможности потребления (см. подробно: [Аникин, 2018; Тихонова, 2018]). При этом из матрицы многомерной стратификации сознательно были исключены такие параметры, как доходы и профессиональный статус.

В статье демонстрируются аналитические возможности так называемой безгипотезной стратификации на основе современных методов многомерной статистической классификации населения – байесовского латентного классового анализа. Использование данного подхода позволило заключить, что Россия представляет собой общество вертикально структурированных классов, при этом средний класс является самой массовой группой. Наиболее привилегированная часть *массового* российского общества образует группу, относительная численность которой не превышает 13% (так называемый верхний средний класс, или, в другой традиции, ядро среднего класса). Ещё 48% населения относятся к периферии ядра среднего класса – разнообразным (нижним) стратам среднего класса. Остальные 39% населения страны являются депривилегированными и попадают в нижние классы¹.

Более наглядно полученная социальная структура представлена на рис. 1.

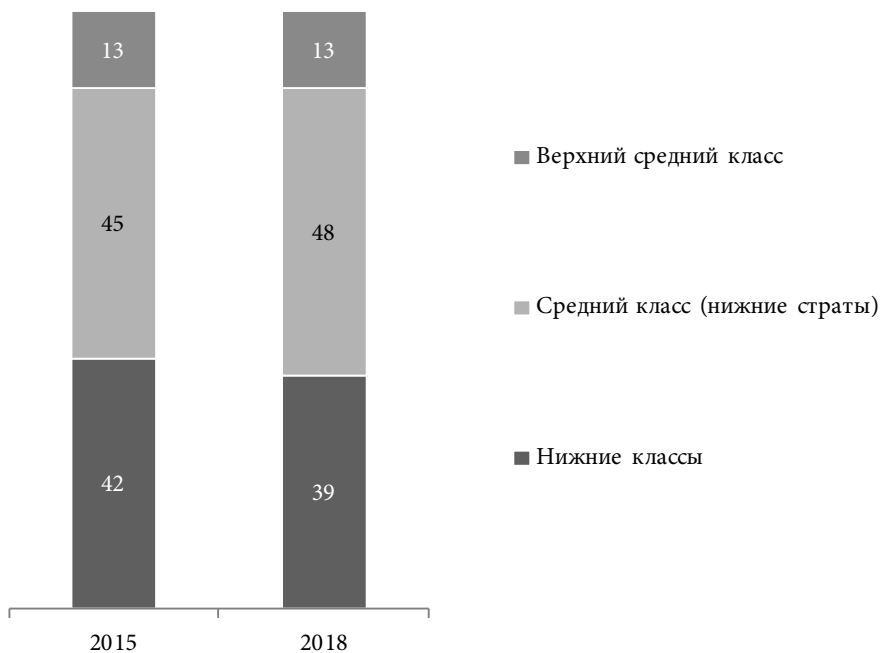

Рис. 1. Укрупнённый профиль социальной структуры российского населения, 2015 и 2018 гг., % от всего населения²

¹ Более детальный обзор всех выделенных элементов социальной структуры будет представлен в работе: [Аникин, 2020].

² Всего в структуру входят пять классов: два – в состав нижних страт среднего класса и два – в число нижних классов. Здесь и далее ошибка вероятности классовой принадлежности для любого класса не превышает 0,05%.

Как видно из рис. 1, комплексная оценка среднего класса в России, по результатам используемого подхода, составляет 61%, если считать численность верхнего среднего класса в составе совокупной оценки среднего класса. Это более чем на 10 п.п. больше, чем при использовании априорного подхода для выделения среднего класса, применённого в уже упомянутом нами исследовании, которое было выполнено на тех же данных [Средний класс..., 2016]¹. Хотя цифра примерно та же, какую мы получаем после применения подхода ОЭСР, это будут разные множества, которые скорее пересекаются, чем совпадают. Главная причина этого в том, что доходная стратификация не отражает комплексной ситуации с имеющимися у населения возможностями и рисками в различных сферах их жизни.

Вместе с тем нас интересует не весь средний класс, а его многочисленные нижние страты. Фокус данной работы, таким образом, сделан на 45 и 48% населения (в 2015 и 2018 гг. соответственно), которые и составляют наибольший интерес при исследовании рисков прекаризации среднего класса.

Гетерогенность «серой зоны» среднего класса

Данная «середина» очень гетерогенна по своему составу. Эта гетерогенность отражает неоднородность средних слоёв российского общества. Несмотря на то, что россияне из этих слоёв очень разные, применение байесовских методов статистической классификации позволяет разбить их на две довольно однородные по их возможностям в разных областях жизни группы — «средний» средний и «нижний» средний классы. «Нижний» средний класс характеризуется противоречивым положением. Источник этих противоречий укоренён в производственных отношениях (см. ниже). Численность «нижнего» среднего класса (НСК) с 2015 по 2018 г. увеличилась с 29 до 34%. Другая группа — это «средний» средний класс (ССК). Его численность, напротив, сократилась с 16% в 2015 г. до 14% в 2018 г. При этом величина изменений этих абсолютных значений уже не кажется такой маленькой, если перейти к относительным цифрам. Из рис. 2 видно, что величина сокращения ССК и увеличения НСК с 2015 по 2018 г. составила 7%.

Было бы понятно, если бы НСК увеличился в кризис, однако период с 2015 по 2018 г. считается периодом постепенной стабилизации ситуации в экономике и социальной сфере. Однако этот период назван периодом негативной посткризисной стабилизации — периодом ручного управления и более агрессивной адресной социальной политики, целью которой стали бедные и малоимущие слои населения. Результатами этой политики может объясняться снижение относительной численности нижних классов, показанной на рис. 1. Понять это можно при сравнительном анализе внутреннего состава ССК и НСК (см. рис. 3).

¹ В книге «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» [Средний класс..., 2016] последней точкой сравнения была точка 2015 г. мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Данные опроса 2018 г., которые используются в этой статье, собирались по той же схеме выборки, что и данные 2015 г.

Рис. 2. Динамика численности нижних страт среднего класса, % от численности нижних страт в 2015 и 2018 гг. (от 45 и 48% соответственно)

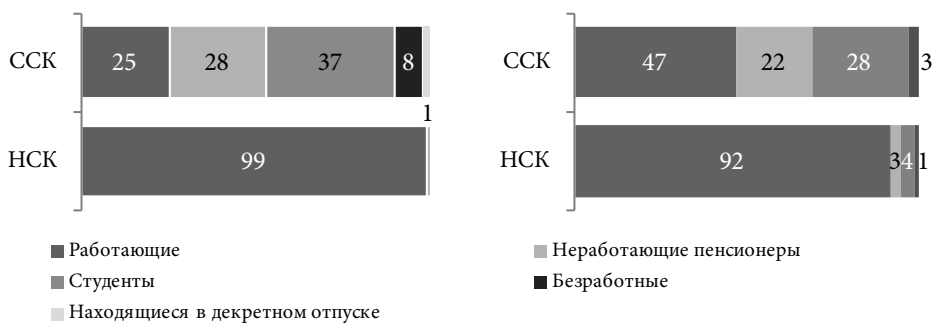

Рис. 3. Динамика статуса занятости представителей нижних страт среднего класса в России в 2015 и 2018 гг., % от каждой из страт

Как показано на рис. 3, ССК менее однороден по своему составу, чем НСК. Так, в ССК увеличилась относительная доля работающих россиян (с четверти до почти половины) — в основном за счёт незначительного сокращения доли неработающих пенсионеров и более существенного сокращения доли студентов и безработных в составе этого класса. Однако, несмотря на процессы внутренней трансформации в пользу наращивания работающей части населения, ССК остаётся якорным социальным классом для студентов. За счёт этого, а также за счёт

наличия неработающих пенсионеров в составе этого класса, и обеспечивается гетерогенность ССК – по сути, он оттягивает на себя неработающую часть ядра среднего класса. Однако стоит учитывать, что это относительно благополучная часть неработающих россиян, и большая часть неработающих пенсионеров всё же не попадают в ССК, причём даже те из них, которые получают приличные по размеру пенсии, – достаточные, чтобы быть отнесёнными к среднему классу по методике ОЭСР.

Из данных таблицы 1 видно, что НСК по своему составу является отражением социальной нормы работающего населения, занятого преимущественно рутинным и полу-рутинным трудом нефизического характера – управленцев средней руки, специалистов, административного персонала, а также рядовых работников сферы торговли и бытового обслуживания.

Таблица 1

Профессиональная дифференциация нижних страт среднего класса, 2018 г.,
% от работающих представителей этих страт

Группы	ССК	НСК	Работающее население в целом
Предприниматели с наёмным трудом	1	2	1
Управленцы высшего звена	2	2	3
Управленцы среднего и низшего звена	3	8	7
Специалисты	15	31	25
Самозанятые	0	1	2
Служащие + рядовые работники сферы торговли и бытового обслуживания	22	30	27
Рабочие от 5 разряда (высококвалифицированные)	28	12	15
Рабочие от 4 разряда (средне- и низкоквалифицированные)	29	14	20

Примечание. Фоном выделены доли тех профессиональных групп, которые статистически значимо связаны с рассматриваемыми классами.

Частично такая структура занятости НСК гарантирует ряду их представителей либо полное отсутствие, либо минимизацию эффекта отчуждения в труде по месту работы (вероятность связи этого признака с классовой позицией НСК составляет от 0,4 до 0,6), что позволило отнести эту страту всё же к среднему, а не к нижнему классу. Однако нефизический характер труда вовсе не гарантирует представителям НСК полное отсутствие рисков – напротив, в силу рутинного и полу-рутинного характера их труда они испытывают значимые риски несоблюдения законодательства на работе (вероятность связи 0,2–0,4), вынуждены мириться с неблагоприятными условиями занятости и низкими зарплатами. Так, НСК является отражением нормы сложившейся в российском обществе модели доходной стратификации, в которой медианная доходная группа представлена малообеспеченными слоями [Модель доходной..., 2018]. Например, доля низ-

кодоходной (менее 0,75 Ме) и медианной групп (0,75–1,25 Ме) в составе НСК составляет 61% (и 63% по России в среднем), в то время как доля этих доходных групп в составе ССК не превышает 50%.

Ключевым является то, что россияне из НСК занимают менее качественные рабочие места, чем представители ССК, даже несмотря на то, что работающие представители ССК представлены в основном рабочими специальностями. Так, более 39% представителей НСК называют неравенства в доступе к хорошим рабочим местам (по сравнению с 34% в среднем по России) в числе наиболее болезненных для них проблем. Они также страдают от того, что «не имеют возможности отдохнуть и провести досуг» (31 против 22% соответственно). По сути, НСК – это эксплуатируемая часть среднего класса с высокими рисками прекарности. Они также испытывают серьезные проблемы с накоплением человеческого капитала. Так, представители НСК, по их собственному признанию, страдают от неравенств в доступе к образованию (27% по сравнению с 22% в среднем по России). Всё это сближает НСК с нижними классами [Аникин, 2020].

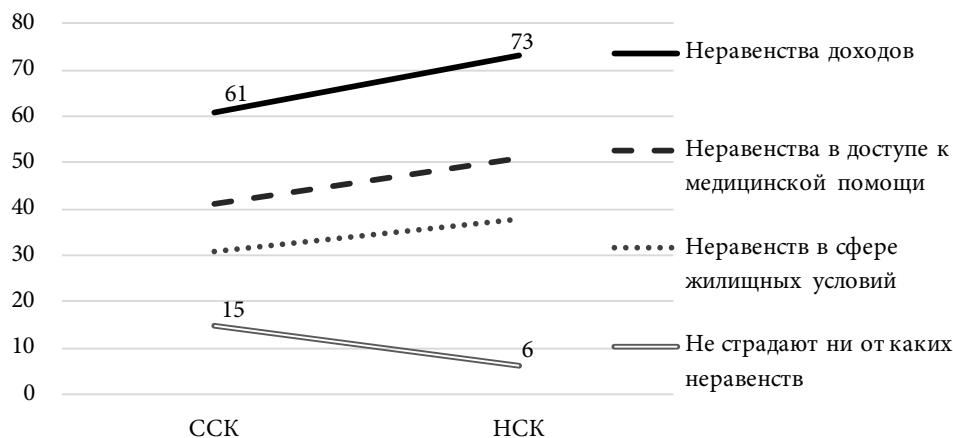

Рис. 4. Болезненные неравенства для ССК и НСК, 2018 г., %¹

Представители же ССК: трансфертные группы (студенты), служащие среднего уровня квалификации и рабочие – члены более благополучных в экономическом отношении домохозяйств, чем НСК. Как следствие, представители НСК гораздо острее, чем представители ССК, страдают от неравенства доходов, относя его к самым болезненным для них лично проблемам (73% против 61% соответственно, см. рис. 4). Та же зависимость наблюдается и в отношении других значимых немонетарных неравенств – в сфере жилищных условий, воз-

¹ Представлены ответы на вопрос: «Как Вам кажется, какие социальные неравенства в современной России являются самыми болезненными для населения в целом, а от каких сильнее всего страдаете лично Вы: Самые болезненные лично для Вас?».

возможностей для детей из разных слоёв общества, неравенств в обладании собственностью, а также в доступе к культурным и художественным ценностям (театры, музеи, выставки). К примеру, 38% в НСК против 31% в ССК отметили, что сильнее всего страдают от социальных неравенств в сфере жилищных условий. При этом ССК является единственной массовой социальной группой, для которой в наименьшей степени характерно испытывать на себе негативные действия неравенств в доступе к медицинской помощи (41% в сравнении с 51% по стране в целом). Более того, в ССК статистически значимо выше доля тех, кто отмечает, что не страдает ни от каких неравенств (15 против 9% в среднем по стране и 6% в НСК).

Заключение и рекомендации

Таким образом, сущностные различия между средними слоями определяются тем, что перевешивает — жизненные возможности или риски. Нижний средний класс, практически полностью состоящий из работающего населения, представлен в основном работниками, занятыми рутинным низкооплачиваемым трудом, которые страдают от неблагоприятных условий занятости и нарушений их трудовых прав. Нижний средний класс — это наиболее эксплуатируемая часть срединных слоёв, наиболее близкая к нижним классам и поэтому в наибольшей степени подверженная рискам прекарности. Проблема состоит в том, что нижний средний класс отражает социетальную норму, а также в том, что он значительно увеличился за последние три года, как уже было отмечено, — с 29 до 34%, в то время как более благополучный «средний» средний класс, напротив, заметно сократился — с 16 до 13%. Получается, что линия будущего разлома («поляризации») среднего класса оставляет внизу почти 2/3 средних слоёв. Учитывая, что прекарнизация среднего класса набирает обороты на фоне относительных успехов по сокращению нижних классов, которых достигло наше правительство в последние годы, в свете последних социально-политических событий остро встаёт вопрос о необходимости перехода к проактивной инвестиционной политике, направленной, с одной с одной стороны, на страхование позиций россиян из нижних страт среднего класса, а с другой — на поддержку россиян из средних слоёв среднего класса с целью обеспечения возможностей для их последующего вхождения в состав верхнего среднего класса. И здесь государство должно принять активные меры на рынке труда по созданию высокооплачиваемых рабочих мест и карьерных перспектив для людей с хорошим качественным образованием. Создание такого пула возможностей видится одной из наиболее перспективных задач на ближайшие годы по пути движения России к социальному государству.

Список литературы

- Авраамова Е. М. Средний класс: мировые тренды и российские реалии // *Общественные науки и современность*. 2018. № 2. С. 22–33.
- Аникин В. А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 4. С. 39–67. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.03>.
- Аникин В. А. Социальные классы новой России – неравные и разные // *Социологические исследования*. 2020. (В печати.).
- Аникин В. А., Лежнина Ю. П. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // *Социологическое обозрение*. 2018. Т 17. № 1. С. 237–273. DOI: [10.17323/1728-192X-2018-1-237-273](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-237-273).
- Колбановский В. В. Средний класс – социальная реальность, «класс на бумаге» или «обман трудящихся»? // *Социологические исследования*. 2013. № 2. С. 42–57.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
- Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 368 с.
- Нова ли новая Россия: монография / Под ред. О. И. Шкаратана, Г. А. Ястребова; научный консультант Д. Лейн. М.: Университетская книга, 2016. 400 с.
- Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014. 408 с.
- Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоёв современного российского общества // *Социологические исследования*. 2018. № 6. С. 53–65. DOI: [10.7868/S0132162518060053](https://doi.org/10.7868/S0132162518060053).
- Тихонова Н. Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // *Социологические исследования*. 2019. № 2. С. 167–173. DOI: [10.31857/S013216250004023-8](https://doi.org/10.31857/S013216250004023-8).
- Тихонова Н. Е., Мареева С. В. Средний класс: теория и реальность / Науч. ред.: Н. Е. Тихонова. М.: Альфа-М, 2009. 320 с.
- Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Влияние экономического кризиса 2014–2016 годов на занятость россиян // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 2. С. 1–17. DOI: [10.14515/monitoring.2017.2.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.01).
- Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.
- Черныш М. Ф. Классовая структура и социальные интересы среднего класса // *Средний класс в современной России* / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 184–198.
- Bechhofer F., Elliott B., McCrone D. Structure, Consciousness and Action: A Sociological Profile of the British Middle Class // *The British Journal of Sociology*. 1978. Vol. 29. No. 4. P. 410–436.
- Becker G. S. Investment in human capital: A theoretical analysis // *The Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 9–49.
- Castells M. Materials for an exploratory theory of the network society // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. No. 1. P. 5–24.
- Chauvel L. Welfare regimes, cohorts and the middle classes. In: J. Gornick, M. Jäntti (eds.). *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries*. Stanford: Stanford University Press, 2013. P. 115–141.
- Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial society*. Stanford: Stanford University Press, 1959.

- Gasiukova E., Korotaev S.* Precarity in Russia: attitudes, work and life experience of young adults with higher education // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2019. Vol. 39. No. 7/8. P. 506–520.
- Heckman J. J.* Skill formation and the economics of investing in disadvantaged children // *Science*. 2006. Vol. 312. No. 5782. P. 1900–1902.
- Mills C. W.* *White Collar: The American Middle Class*. New York: Oxford university press, 1951.
- OECD Under Pressure: The Squeezed Middle Class*. Paris: OECD Publishing, 2019.
- Sánchez-González C., García-Fernández R. M.* A Multivariate Indicator to Compute Middle Class Population. *Social Indicators Research*. 2019. P. 1–14.
- Simmel G.* The Nobility. *Georg Simmel on individuality and social forms. Selected writings*. Ed. by D. N. Levine. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1971. P. 199–214.
- Standing G.* The precariat: The new dangerous class. London: Bloomsbury Academic, 2011.
- Thurrow L. C.* The disappearance of the middle class. *New York Times*, 1984, February 5.
- Wright E.* *Rethinking once again the concept of class structure*. In: E. O. Wright & others (eds.). *The Debate on Classes*. New York: Verso, 1989.

Дата поступления в редакцию: 10.10.2019.

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6798

Precarization of the Middle Class of the New Russia: What are the Results of a Study of Heterogeneous Middle Strata?

Vasily A. Anikin

Candidate of Economics, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics. Myasnitskaya str., 21, 101000, Moscow, Russia; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build. 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: vanikin@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-2316-4628, Web of Science ResearcherID: G-7070-2015, Scopus Author ID: 55599955200

For citation: Anikin, V. A. (2019). Precarization of the Middle Class of the New Russia: What are the Results of a Study of Heterogeneous Middle Strata? *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. № 4. P. 39–54. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6798

Abstract. The paper aims to study the heterogeneity of the middle classes in the new Russia. Drawing from the monitoring survey data collected by the Institute of Sociology of FCTAS RAS, 2015 and 2018, the author employed Bayesian latent class analysis to detect Russian middle class and its main subgroups. In 2015 and 2018 it counted 58% and 61% of the population, respectively. Precarization of the middle is occurring in the lower stratum of the middle class, which comprises up to half of the middle class.

The paper aims to study the heterogeneity of the middle classes in the new Russia. Drawing from the monitoring survey data collected by the Institute of Sociology of FCTAS RAS, 2015 and 2018, the author employed Bayesian latent class analysis to detect Russian middle class and its main subgroups. In 2015 and 2018 it counted 58% and 61% of the population, respectively. Precarization of the middle is occurring in the lower stratum of the middle class, which comprises up to half of the middle class.

Keywords: middle class, life chances, social structure, new Russia.

REFERENCES

Avraamova E. M. Srednij klass: mirovye trendy i rossijskie realii. [Middle class: world trends and Russian realities]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. 2018. № 2. P. 22–33. (In Russ.).

Anikin V. A. Sotsial'naya stratifikatsiya po zhiznennym shansam: popytka operatsionalizatsii dlya massovykh oprosov. [Social stratification by life chances: an attempt to nationalize mass polls]. *Monitoring obshchestvennogo mnenija. Ekonomicheskije I sotsial'nyje peremeny*. 2018. № 4. P. 39–67. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring_2018.4.03.

Anikin V. A. Social'nye klassy novoj Rossii – neravnye i raznye. [Social classes of the new Russia – unequal and different]. *Sotsiologicheskije issledovanija*. 2020. (V pechati.). (In Russ.).

Anikin V. A., Lezhnina Yu .P. Ekonomicheskaya stratifikaciya: ob opredelenii granic dohodnyh grupp. [Economic stratification: on the open borders of income groups]. *Sotsiologicheskije obozrenije*. 2018. T 17. № 1. P. 237–273. (In Russ.). DOI: [10.17323/1728-192X-2018-1-237-273](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-237-273)

Kolbanovsky V. V. Srednij klass – social'naya real'nost', «klass na bumage» ili «obman trudyashchihsya»? [Middle class – social reality, “class on paper” or “deception of workers”?]. *Sotsiologicheskije issledovanija*. 2013. № 2. P. 42–57. (In Russ.).

Model' dohodnoj stratifikatsii rossijskogo obshchestva: dinamika, factory, mezhranovye sravneniya. [Income Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons]. Ed. by N. E. Tikhonova. M.; St. Petersburg: Nestor-Historiya publ., 2018. 368 p. (In Russ.).

Srednij klass v sovremennoj Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovanij. [The middle class in modern Russia. Experience of many years of research]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. M.: Ves' Mir publ., 2016. 368 p. (In Russ.).

Nova li novaya Rossiya?: monografiya. [Is New Russia New]. Ed. by O. I. Shkaratan, G. A. Yastrebova; D. Lane. M.: Universitetskaja kniga publ., 2016. 400 p. (In Russ.).

Tikhonova N. E. *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'*. [Social structure of Russia: theory and reality]. M.: New khronograph publ., 2014. 408 p. (In Russ.).

Tikhonova N. E. Stratifikatsiya po zhiznennym shansam massovykh sloev sovremennoego rossijskogo obshchestva. [Stratification by life chances of the mass strata of modern Russian society]. *Sotsiologicheskije issledovanija*. 2018. № 6. P. 53–65. (In Russ.). DOI: [10.7868/S0132162518060053](https://doi.org/10.7868/S0132162518060053)

Tikhonova N. E. Prekariat i perspektivy izmeneniya sotsial'noj struktury rossijskogo obshchestva. [The precariat and prospects for changing the social structure of Russian society]. *Sotsiologicheskije issledovanija*. 2019. № 2. P. 167–173. (In Russ.). DOI: [10.31857/S013216250004023-8](https://doi.org/10.31857/S013216250004023-8)

Tikhonova N. E., Mareeva S. V. *Srednij klass: teorija I real'nost'*. [Middle class: theory and reality]. Ed. by N. E. Tikhonova. M.: Alpha-M publ., 2009. 320 p. (In Russ.).

Tikhonova N. E., Karavay A. V. Vliyanie ekonomicheskogo krizisa 2014–2016 godov na zanyatost' rossiyan. [Impact of the economic crisis for 2014–2016]. *Monitoring obshchestvennogo mnenija. Ekonomicheskije I sotsial'nyje peremeny*. 2017. № 2. P. 1–17. (In Russ.). DOI: [10.14515/monitoring.2017.2.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.01)

Toshchenko Zh. T. *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu*. [Prekariat: from protoclass to a new class]. M.: Nauka publ., 2018. 350 p. (In Russ.).

Bechhofer F., Elliott B., McCrone D. Structure, Consciousness and Action: A Sociological Profile of the British Middle Class. *The British Journal of Sociology*. 1978. Vol. 29. № 4. P. 410–436.

Becker G. S. Investment in human capital: A theoretical analysis. *The Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. № 5. P. 9–49.

- Castells M. Materials for an exploratory theory of the network society. *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 1. P. 5–24.
- Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial society*. Stanford: Stanford University Press, 1959.
- Gasiukova E., Korotaev S. Precarity in Russia: attitudes, work and life experience of young adults with higher education. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2019. Vol. 39. № 7/8. P. 506–520.
- Heckman J. J. Skill formation and the economics of investing in disadvantaged children. *Science*. 2006. Vol. 312. № 5782. P. 1900–1902.
- Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries*. Eds. by J. Gornick, M. Jäntti. Stanford: Stanford University Press, 2013. P. 115–141.
- Mills C. W. *White Collar: The American Middle Class*. New York: Oxford university press, 1951.
- OECD Under Pressure: The Squeezed Middle Class*. Paris: OECD Publishing, 2019.
- Sánchez-González C., García-Fernández R. M. A Multivariate Indicator to Compute Middle Class Population. *Social Indicators Research*. June 2019. P. 1–14. DOI: [10.1007/s11205-019-02144-6](https://doi.org/10.1007/s11205-019-02144-6)
- Simmel G. The Nobility. *Georg Simmel on individuality and social forms. Selected writings*. Ed. by D. N. Levine. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1971. P. 199–214.
- Standing G. *The precariat: The new dangerous class*. London: Bloomsbury Academic, 2011.
- Thurow L. C. The disappearance of the middle class. *New York Times*, 1984, February 5.
- Wright E. *Rethinking once again the concept of class structure*. In: E. O. Wright & others (eds.). *The Debate on Classes*. New York: Verso, 1989.

The article was submitted on October 10, 2019.